

только некоторых из них свидетельствовало лишь о существовании полного или неполного иммунитета.

В рассматриваемый отрезок времени советские византилисты много труда приложили к разрешению сложного и спорного вопроса о характере и особенностях византийской пронии. Признавая ее формой условной феодальной собственности, наши историки вместе с тем расходятся в оценках особенностей пронии и в понимании путей возникновения этого института.

А. П. Каждан еще в 1952 г. высказал мнение, что прония как форма землевладения развилась из пожалования определенной суммы податей (*ποσότης, σολέμιοι*) с какой-либо местности. Прония, полагает А. П. Каждан, по крайней мере до XII в. не имела военного характера⁶². В рассматриваемый период времени «прония, называемая также *οίκονομία*, представляла собой право на строго ограниченное количество (*ποσότης*) государственных налогов, взимаемых с определенной территории»⁶³. В другой своей работе А. П. Каждан писал, что «прония юридически не составляла собственности на землю. Однако коль скоро прония получила экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности»⁶⁴.

В соответствии со своим пониманием пронии X—XII вв. как пожалования определенной суммы налогов, Каждан и усматривает условный характер этого вида феодальной собственности в определении налоговой квоты. Близко к пронии примыкает арифмос — пожалование определенного числа париков. Считая, таким образом, что «византийская условная собственность рождалась сплошь и рядом лишь в форме государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества зависимых людей»⁶⁵, А. П. Каждан полагает, что византийские прония и арифмос составляют в известном смысле параллель с мусульманской *икта*⁶⁶.

Кроме пронии и арифмоса, А. П. Каждан рассматривает такие формы условной собственности, как пожалование на срок жизни (оно являлось, по мнению исследователя, типично западной формой условной собственности) и харистикий, иногда по своему характеру приближавшийся к пронии⁶⁷.

Взгляды А. П. Каждана на характер и происхождение пронии вызвали полемику в нашей литературе. С интересной трактовкой этого вопроса выступил М. Я. Сюзюмов. Он считает, что институт пронии, окончательно сложившийся к XIII—XIV вв., возник из различного рода пожалований: земли, права ведения хозяйства на данной территории, права управления данной территорией, права на сбор налогов и на зависимых работников. Все эти права, «нивелируясь, превратились в XIII—XIV вв. в единую, специфичную для Византии форму условной феодальной собственности — пронию»⁶⁸. Соглашаясь с Г. Острогорским в том, что прония не может быть отождествлена с вотчиной, М. Я. Сюзюмов в то же время подчеркивает, что неотчуждаемость пронии — ее основное отличие от вотчины — не означала, согласно византийскому праву, абсолютного запрета передачи прониаром своих прав другому лицу. Ко времени IV крестового похода

⁶² Эти положения были развиты и в докладе А. П. Каждана на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. (А. П. Каждан. *Формы условной собственности в Византии X—XII вв.* М., 1960).

⁶³ Там же, стр. 5.

⁶⁴ А. П. Каждан. Рецензия на книгу Г. А. Острогорского «*Pour l'histoire de la féodalité byzantine*». Bruxelles, 1954. ВВ, X, 1956, стр. 228, прим. 1.

⁶⁵ А. П. Каждан. *Формы условной собственности...*, стр. 6.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 3.

⁶⁸ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. ВВ, XII, 1957, стр. 60.